

Татьяна Устименко

Звезда моей души

Соль жизни в том, что она — не сахар!

Татьяна Устименко

**ДОЧЬ ГОСПОДНЯ
НЕВЕЗУЧИЕ
БОГАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ
ВТОРОЕ ПРОРОЧЕСТВО
ЭРА ЗЛА
ЗВЕЗДА МОЕЙ ДУШИ**

Цикл «Хроники Рыжей»

**СУМАСШЕДШАЯ ПРИНЦЕССА
ЛИЦО ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ
ПРИНЦ ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ**

Татьяна Устименко

Звезда моей души

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

*Всем моим читателям, мечтающим зажечь
Звезду своей души и расправить сложенные за
спиной крылья...*

ПРОЛОГ

— Смилуйся, о великий светлый дух! — униженно молила распростертая на полу женщина, поливая горячими слезами постамент возвышающейся над ней статуи. — За что ты наказал меня столь жестоко? Ведь минуло уже целых четырнадцать лет с тех пор, как он исчез... Умоляю, смилуйся над несчастной матерью, верни мне моего единственного сына!

Ее жалобные вопли закручивались в почти осязаемую спираль боли и гнева, отражались от мраморных стен и эхом взлетали к полукруглому потолку небольшого помещения, расположенного на верхнем ярусе Звездной башни — неприступной цитадели, святая святых лаганахарской гильдии Чародеев. Сама же башня, многие сотни лет назад возведенная на Неспokoйной горе, указующим перстом нависала над улицами шумного, густонаселенного Блентайра, будучи безмолвным напоминанием о десятках погибших магов, отдавших свои жизни за процветание знаменитого города.

Впрочем, можно ли называть процветанием нынешнее скорбное существование жителей королевства Лаганахар?

Некогда, чуть более двух сотен лет назад, Лаганахар был успешно развивающимся королевством, которое состояло из нескольких крупных оазисов, разбросанных между двумя пустынями и растянувшихся вдоль русла полноводной реки Алларики, что берет начало на севере, подпитываясь тающим снегом сходящих с Запретных гор лавин. Река минует дикую степь — родину кочевых племен, уходит под пески страшной мертвой Пустоши и заканчивается обширным озером Аррун, сейчас почти пересохшим и изрядно обмелевшим. В дельте устья Алларики лежит большая часть пло-

дородных земель королевства и находится белостенный город Блентайр.

Ниже южной оконечности Лаганахара жизнь потихоньку замирает, ибо там начинается еще одна пустыня — Маграб, называемая Бесконечной.

На северо-востоке от Блентайра, в нескольких днях пути, сразу же за лесом Шорохов, раскинулось Зачарованное побережье, омываемое водами Великого моря, — прибежище эльфов. Их немного уцелело после войны, живут они замкнуто и обособленно, крайне неохотно впуская на свою территорию гостей, особенно незваных.

К северо-западу от города, за Черными холмами, затаились печально известные Лиднейские болота, переходящие в поросшую ковылем степь, а уже дальше, за Пустошью, расстилается знаменитая долина Дурбан, окруженная Белыми горами.

Пресловутые горы и долина образуют край Крылатых, населенный огнедышащими драконами — тварями зловредными и кровожадными, страдающими постоянным несварением желудка, а посему к мирному общению не склонными. Эти чудовища охраняют подступы к Запретным горам, достигнуть которых еще не удавалось никому, даже самым искусным воинам из клана Полуночных эльфов.

Ранее, до войны, в Лаганахаре насчитывалось целых восемнадцать городов, но ныне все они канули в небытие, погибнув под песками двух пустынь, все крепче сжимающих свои губительные объятия вокруг последнего оплота человеческой расы — белостенного Блентайра. Пойманные в смертельную ловушку взбунтовавшейся стихии, люди впали в отчаяние и были готовы на любое злодеяние, которое хоть на немного отсрочило бы приближение закономерной катастрофы. А впрочем, сегодня уже мало кто верил в возможность спасения, предпочитая полагаться на собственные глаза и здравый смысл, а не обольщаться лицемерными обещаниями жрецов и чародеев, безуспешно пытающихся противостоять тому, что невозможно одолеть и остановить, — времени и песку.

Жители Лаганахара убедились на собственном опыте: посеявший ветер раздора — рано или поздно пожнет бурю несчастья. Пролитый каплю невинной крови — получит в от-

местку ливень из смертей. Буря не ведает жалости и забирает то, что было обещано ей по глупости или неосторожности. А бороться с бурей и смертью... Есть ли в этом смысл?

Наиболее здравомыслящие граждане осознавали, что цена, которую придется заплатить за победу в войне, непомерно высока. Но таких оказалось немного. Ведь в подавляющем большинстве люди крайне легкомысленны. Они совершают рискованные поступки и лишь потом, много дней спустя, прозревают и запоздало задумываются о губительных последствиях содеянного.

К несчастью, именно так и произошло в королевстве. Испрошенная свыше помощь была получена, а назначенную за нее мзду продолжали выплачивать и по сей день. Закономерная неотвратимая кара за преступные деяния далеких предков надвигалась на стены прекрасного Блентайра, омрачая лица снующих по улицам горожан и ежедневно добавляя по несколько седых волос в бороду короля Вильяма.

Но в отличие от большинства своих сограждан женщина, распростершаяся на каменном полу молельни Звездной башни, еще не потеряла надежду на прощение и по-прежнему верила в силу своей мольбы. Вот поэтому-то и обнимала она ноги статуи, умоляя светлого бога Шарро снизить к мукам ее исстрадавшегося сердца и вернуть сына, пропавшего четырнадцать лет назад. Вышеупомянутый же бог, статуя которого имела облик прекрасного лицом мужчины, — за его спиной реяли широко распахнутые крылья, на шее виднелись круглые отверстия жабр, а между пальцами рук были заметны едва различимые перепонки, — не спешил откликнуться на мольбы, а взирал на женщину холодно и отстраненно.

Зато лицо второй статуи, также хранящейся в башне, но покрывшейся пылью забвения и задвинутой в самый темный угол молельни, выражало такую неприкрытую злобу, что, честное слово, неосторожной просительнице стоило бы обратить на нее куда более заинтересованный взгляд. Но всеми забытая статуя ярилась напрасно, ибо заплаканная жалобщица совсем не уделяла ей внимания. И как выяснилось впоследствии, зря...

— Молчишь?! — то ли вопрошая, то ли утверждая, склочно прошипела женщина. — Тем хуже для тебя!

Она выхватила из привешенных к поясу ножен небольшой обоюдоострый кинжал и решительно приставила к своему горлу.

— Тогда я убью себя прямо здесь и запятнаю кровью твой чистый образ... Ну?! — ультимативно произнесла она и надавила на рукоять кинжала. По лифу богатого платья скатились несколько крупных алых капель. — Моя смерть будет на твоей совести, бог Шарро!

— Остановись, Кларисса! — Негромкий голос, неприязненный и неприветливый, шел из уст статуи прекрасного бога. — Я уже давно устал от твоих настырных призывов и хамского шантажа. Что ты хочешь от меня?

— Узнать, что случилось с моим сыном и где он находится! — обрадованно завопила Кларисса, роняя на пол кинжал, слегка обогранный ее кровью. — Твоя сестра, богиня Банрах, — она обличающим жестом, не глядя, небрежно ткнула пальцем в сторону задвинутой в угол статуи, — отвернула от меня свой неблагодарный лик, а ведь гильдия так много для нее сделала! Теперь ты — единственная моя надежда.

По губам статуи бога Шарро скользнула саркастичная улыбка:

— Все женщины эгоистичны и переменчивы по своей натуре. Моя сестра Банрах, к сожалению, не является исключением из этого печального правила, а скорее подтверждает его. Следовало предполагать, что Банрах, получив желаемое, забудет об использованных ею людишках и бросит вас на произвол судьбы.

Из угла, где вынужденно прозябала статуя богини Банрах, донесся рассерженный зубовный скрежет. А чего еще, спрашивается, можно ожидать от богини, чье отмеченное печатью коварства лицо больше всего напоминает узкую змеиную морду? Изображение Банрах не имело глаз, зато обладало внушительными, выступающими из-под верхней губы клыками, а ее мстительно скрюченные пальцы оканчивались огромными когтями.

В противовес своему лучезарному брату Шарро черная богиня Банрах царила во тьме и безвылазно жила под зем-

лей, превыше всего на свете ценя приносимые ею жертвы и обожая неповторимый вкус свежей человеческой крови. Запомните, глупцы: горестен удел людей, дерзнувших искать покровительства богини-кровопийцы. Многострадальные жители Лаганахара уже прошли сию унылую школу и знали о сомнительных милостях змееликой Банрах отнюдь не понаслышке.

— Богине не понять моих чувств, она не ведает любви, — душераздирающе стонала Кларисса. — Но ты... Ты есть воплощение света и неба! Лишь ты один способен принять участие в судьбе моего пропавшего мальчика!

— Признаюсь, это я забрал твоего новорожденного сына, — суровым приговором бухнул бог. — И могу тебя успокоить, Кларисса: твои рыдания необоснованны, ибо наследный принц Лаганахара, будучи в полном здравии, спрятан в надежном месте.

— Но за что ты лишил меня тихого семейного счастья? — потрясенно ахнула женщина, хлопая мокрыми от слез ресницами. — Зачем забрал его из королевской колыбели?

Бог издал нехороший возмущенный смешок:

— А ты не понимаешь?

Кларисса отрицательно помотала растрепанной головой.

— А не ты ли, — голос бога звенел от гнева, — приказала выкрасть новорожденного ребенка принцессы Аньерд, младшей — хоть и сводной, но все-таки венценосной — сестры твоего супруга, короля Вильяма, владыки лаганахарского трона?

— Я! — властно выпрямила спину обвиняемая, не собираясь отпираться. — Но учти, я действовала сугубо в рамках закона. Распутная принцесса зачала ребенка неизвестно от кого и родила его вне брака, покрыв несмываемым позором свою великую семью. Она нагуляла его в период осенней ярмарки да еще наотрез отказалась раскрыть имя своего гнусного любовника. И ребенок — он же родился уродом... А я проявила к ней милосердие! Я же не требовала убить бастарда принцессы Аньерд, я просто наняла троих ловких воров, сумевших выкрасть его из дворца и унести подальше от столицы.

— Девочку, — жестко напомнил Шарро. — Крохотную недоношенную девочку!

— Ну и что? — брезгливо поморщилась Кларисса. — Полноворожденной не уменьшает вины ее матери.

— И бросить малютку, обрекая на мучительную смерть! — взбешенно добавил бог. — А ведь этот ребенок так много значил для всего Лаганахара!

— Чем же? — удивленно спросила совершенно запутавшаяся Кларисса, но бог демонстративно проигнорировал ее вопрос.

— В отместку я забрал твоего сына, — откровенно сознался он. — Око за око, зуб за зуб.

Кларисса побледнела как полотно и прикусила губу, сдерживая вновь подкатившиеся к горлу рыдания.

— Верни мне его, Шарро, умоляю тебя! Я заплачу любую цену!

— Правда? — провокационно ухмыльнулся бог. — Заплатишь? Сделаешь все, что я ни пожелаю?

Женщина решительно кивнула, выражая безоговорочную готовность исполнить свое обещание.

— Хорошо. — Бог почти мурлыкал от удовольствия. — Очень хорошо! Так и быть, я дам тебе шанс увидеть сына.

Он заметил выражение бесконечной радости на лице Клариссы и внушительно повторил:

— Помни, не вернуть его себе, а просто увидеть, если, конечно, ты согласишься на мое условие.

— Пусть всего лишь это, но я согласна! — восторженно пролепетала воспрянувшая духом мать. — Хоть раз увидеть и обнять моего мальчика...

— Я знаю, что все вы, выпренно именующие себя магами, носите на шее хрустальную звезду, символ вашей столицы Блентайр, — между тем невозмутимо продолжал бог, — куда собираете добытые вами заклинания. Вы называете эти украшения Звездой своей души. Ее яркость зависит от того, насколько силен и могущественен владелец звезды и какими знаниями он обладает.

— Все это так, — подтвердила Кларисса, произвольно кладя руку себе на грудь. — Но зачем...

— Не перебивай меня, женщина! — прикрикнул бог. — Вот эта звезда — особая.

В воздухе прямо перед глазами Клариссы возникла небо-

льшая хрустальная фигурка, подвешенная на золотую цепочку.

— Ее тоже требуется наполнить, как и все прочие звезды чародеев, но только не заклинаниями, а силой различных стихий, чувствами живой человеческой души — любовью, ненавистью, муками, радостями — и опытом преодоленных испытаний.

— Увы, я не знаю мага, способного справиться с твоим заданием! — печально откликнулась Кларисса. — Это невозможно...

— Возможно! — не терпящим возражений тоном перебил бог. — Готовься, Кларисса, ведь скоро в вашей башне появится ОНА — девочка из древнего пророчества Неназываемых, живое средоточие великих сил. Единственная крылатая эльфийка, способная наполнить эту звезду и спасти наш гибнущий мир.

— Нет! — испуганно отшатнулась женщина. — Она нам вовсе не нужна, ведь согласно этому же предсказанию девочка-звезда станет Наследницей изгнанных из столицы Полуночных эльфов и уничтожит гильдию Чародеев!

— Ха-а-а, давно пора воздать вам по заслугам, лживые маги, — язвительно хмыкнул Шарро. — Ведь это вы почти погубили Лаганахар. И теперь...

— Молчи! — дикой фурией зарычала Кларисса, сжимая в ладони хрустальную звезду. — Или, клянусь жизнью сына, я ее разобью!

— Разбей, но имей в виду: в этом случае ты уже никогда не увидишь своего мальчика, — издевательски поддел Шарро, и плечи женщины обреченно поникли. — Ну же, решайся, грешница!

— Я согласна, — через силу выдавила она. — Но объясни, как мне ее найти, эту девочку-звезду?

— Через два года, — уже спокойно пояснил бог, — вы совершите то, чего не делали уже много лет, а именно — примете в свою гильдию безродного ребенка, воспитанного в монастырском приюте.

Высокомерная Кларисса гадливо передернула плечами, но Шарро продолжил:

— Вы не станете ее выбирать, а просто безропотно возьмете к себе ту сироту, которую отвергнут остальные гильдии.

— Никчемного изгоя? Пищу для богини Банрах? — перхнулась словами женщина. — На наши головы падет несмыаемый позор, если бесполезный отброс проникнет в Звездную башню и вознамерится стать учеником чародеев!

— Но ты же хочешь увидеть своего сына, не так ли? — лучезарно улыбнулась статуя бога. — Выбор за тобой. Откажись от своей мечты — и ты избежишь унижения.

— Я согласна, — снова процедила Кларисса, с затаенной надеждой и в то же время с неприкрытым отвращением взирая на хрустальную звезду, зажатую в ладони. — Я найду эту треклятую девчонку, и будь что будет!

Часть первая

УЧЕНИЦА ГИЛЬДИИ ЧАРОДЕЕВ

ГЛАВА 1

Сверху, с черепичной крыши колокольни — самого высокого здания деревушки Ролсби, далекий Блентайр казался неправдоподобно маленьким, почти игрушечным. Но, невзирая на внушительное расстояние, отделяющее меня от города, я различала стройные цепочки голубоватых магических фонарей, освещавших улицы спящей столицы. В их свете я, прищулив глаза, умудрилась различить причудливо сплетенные тени, отбрасываемые стенами домов, аккуратно подстриженными деревьями, многочисленными памятниками и фонтанами.

Что бы там ни рассказывали о страшном храме богини Банрах, расположенном на центральной площади и вызывающем суеверный трепет в сердцах наших простодушных крестьян, но все-таки столица Лаганахара, богатая и недоступная для такой скромной замухрышки, как я, была хороша, сказочно хороша! И лишь одна улица Блентайра, самая эффектная и яркая, не вызывала у меня восхищения, а наполняла душу смутной тревогой и ощущением безысходности. Это была улица Сладких Поцелуев, пестрешшая синими, красными и оранжевыми призывными огоньками, зажженными в шелковых фонариках, вывешенных над крылечками миленьких домиков ее специфичных обитательниц.

«Неужели мне не остается ничего другого, кроме как пойти туда, к ним?» — подумала я, брезгливо морщась.

Я, конечно, не ханжа и в свои шестнадцать лет изрядно наслышана о том, что происходит между мужчиной и женщиной под покровом надкроватного балдахина, но... Спаси меня бог Шарро, я ведь не ощущаю в себе ни малейшей склонности к торговле собственным телом, пусть даже возведенной в категорию высшего искусства, сопровождающе-

гося песнями и танцами! Тут я цинично хмыкнула. Отчасти потому, что вспомнила про свои костлявые плечи и почти плоскую детскую грудь, совершенно неуместную под расписным шелковым халатиком жительницы улицы Сладких Поцелуев.

Однако в большей степени смешок касался моей крамольной, но искренней и пылкой веры в бога Шарро, покровителя Полуночных эльфов, его прежних хозяев, изгнанных из Лаганахара. Чего уж тут скрывать — у нас в королевстве столь явная симпатия к пресветлому духу Шарро, слывущему совершенно бесполезным и враждебным к людям божком, не очень-то одобряется, хоть официально и не запрещается. При этой нерадостной мысли я поплотнее запахнула свой порядком изношенный плащ, под полы которого упорно пытался пробраться холодный ночной воздух, и с безнадежным вздохом продолжила рассматривать далекую столицу.

Гильдия Порхающих — весьма уважаемая община в Блентайре, но вопреки этому факту мне бы очень не хотелось быть ученицей одной из состоящих в ней куртизанок, вступая на путь порочных телесных утех. К тому же до меня неоднократно доходили грозные слухи о свирепых воительницах-лайил, покровительствующих гильдии Порхающих, и одна только мимолетная мысль о клыках и ужасных привычках этих тварей наводила на меня безотчетный ужас, заставляя судорожно корчиться от страха. Правда, братья из обители всеблаготворительной богини Банрах учили нас, своих воспитанников, что сущность любого обитателя Лаганахара ничуть не зависит от его расы и что среди представителей каждого народа можно с равной долей вероятности встретить как безукоризненную доброту, так и истинное воплощение зла.

И похоже, мне все-таки придется согласиться с напрашивающимся выводом: если проповеди братьев не грешат против законов богини, то почему бы главе гильдии Порхающих не оказаться «милейшей» тварью с острыми как бритва когтями, испачканными кровью очередной жертвы? Ведь не ведающие жалости лайил так же легко становились и верными жрицами Банрах, искренне пекущимися о процветании ее алтаря... Впрочем, я переживаю зря: лаганахарские

куртизанки слишком ценят телесную красоту, а посему принимают в гильдию Порхающих лишь самых прелестных и утонченных девушек. А я... Все же и от уродства иногда бывает польза! Тут я насмешливо фыркнула во второй раз и, покачнувшись, хотя ветра сегодня совсем не ощущалось, чуть не сверзилась со скользкой крыши.

Ночь давно уже перевалила через середину, а я все еще сидела на прежнем месте, осиянная бледно-голубыми лучами Уны — нашего ночного светила. Возможно, бог Шарро и не наделил меня большим умом, но почему-то мне кажется, что этот бранный мир устроен чрезвычайно гармонично. Как холодная Уна восходит на небе, сменяя жаркий, ярко-красный дневной Сол, так и красота в человеке перемежается с уродством, во многом определяя жизненную стезю своего обладателя.

Завтра, в разгар весеннего равноденствия, согласно древнему обычаю нашего королевства представители всех гильдий соберутся в монастыре богини Банрах, чтобы провести ежегодную церемонию выбора учеников. Тогда-то и решится судьба всех безродных монастырских воспитанников, в том числе и моя... И я снова с горечью подумала о том, что порхающие, может, и позовут меня к себе из простой человеческой жалости, дабы спасти от участи стать кормом для жестокой богини. Ибо другие гильдии меня как пить дать не примут.

Вот уж где-где, а в гильдии Торговцев такие простушки, как я, точно без надобности. Эта община предпочитает приглашать мальчишек, да желательно посмекалистей, похитрей, поизворотливей, способных облапошить кого угодно. Пусть это и спорные качества, но сама-то я никакой пронырливостью совершенно не обладаю, ничего подобного за мной отродясь не водилось, любой из братьев обители подтвердит. Девочек, случалось, тоже выбирали в сообщество торговцев, но на моей памяти с воспитанницами нашего приюта подобного не происходило.

О гильдии Воинов я не мечтала ни дня в жизни, да и, честно говоря, не собиралась мечтать. Бессмысленное это занятие и бесполезное! Гильдия Воинов была не самой малочисленной в Лаганахаре, но все ее представители слыли людьми неординарными, в их закрытой общине действова-

ли строгие порядки и праздное любопытство не поощрялось. В этом нет ничего удивительного: годы неусыпного слежения за порядком, минувшие со дня окончания войны, и бывшие заслуги гильдии просто обязывали остальных жителей считаться с ее членами и относиться к ним с уважением и даже благоговением. Воины забирали к себе как юношей, так и девушек, но обязательно рослых (я грустно усмехнулась) и развитых физически.

Наиболее многочисленной являлась гильдия Земледелов. Как же я о них забыла? Братья могли бы предложить земледелам мою кандидатуру, ибо я всегда любила животных и растения, и эта любовь была взаимной. Живописуя свои способности, я ничуть не привираю: даже злобный Туки, гигантский сторожевой пес нашего брата кастеляна, переставал рычать при моем приближении и тут же принимался добродушно вилять мохнатым, обильно усеянным репьями хвостом. Да и грядки картофеля, посаженные мною в монастырском саду, давали самый обильный урожай. А еще я с радостью пропалывала огород, носила воду для поливки и возилась с саженцами плодовых деревьев. Я представила себя в центре огромного розария, напоенного ароматом распускающихся бутонов, и рассмеялась повторно, на сей раз чуть веселее.

Я вообще с удовольствием смеялась по любому поводу и, не менее часто, совсем без него, за что большинство сверстников меня откровенно не понимали и недолюбливали, а некоторые без обиняков дразнили «юродивой с Пустоши». Но вот беда, для адептов гильдии Земледелов сила и выносливость важны ничуть не меньше, чем для воинов. А у меня руки похожи на хрупкие тростинки, неспособные поднять ничего тяжелее лейки с водой, да и ростом я не вышла. Нет, не станут вечно обремененные хлопотами земледелы тратить усилия на обучение такой малявки, как я. Ведь нет никакой гарантии, что я еще подрасту и перегоню хотя бы десятилетнего малыша Ринни.

Итак, я педантично, в несколько заходов, снова перебрала в уме все оставшиеся неучтенными гильдии: Целителей, Охотников, Метельщиков, Уравновешивающих. Ох, как ни крути, а остаются только порхающие... По слухам, у них наблюдается постоянный недостаток рабочей силы, ведь мно-

гие богатеи почитают за честь взять себе жену, прошедшую такую изощренную школу доставления наслаждений. Но себя не обманешь: кроме ярого нежелания торговать своим телом и подсознательного страха перед лайли у меня имеется еще одна вполне весомая причина, мешающая поступлению в гильдию куртизанок, певиц и танцовщиц.

Несмотря на собираемую нами милостыню и помощь попечительского совета, монастырю вечно не хватало денег, поэтому проживающих в приюте сирот кормили скудно, а одевали и того хуже — в обноски с чужого плеча или в одинаковые серые балахонистые рубашки до пят, сшитые из жесткого полотна. К этой смахивающей на рублище рубахе прилагались пара деревянных башмаков и коричневый шерстяной плащ, днем защищающий от зноя или холода, а ночью выполняющий функцию одеяла. Невзрачные, худые и нелюбимые, словно призраки, приютские воспитанники ничем не отличались друг от друга, напоминая горошины из одного стручка. И лишь мой наряд несколько разнился с одеяниями всех прочих сирот, что вызывало у них пренебрежение и нездоровый интерес.

В тот злополучный день, когда я вынужденно решила впервые немного изменить свою одежду и, разрезав спину рубашки, пришила к ней небольшую мешковатую заплату, мальчишки долго изумлялись. А их бессменный главарь, черноглазый красавчик Арден, глумливо расхохотался и обозвал меня старой горбатой ведьмой. У меня едва хватило выдержки, чтобы медленно отвернуться и с достоинством (точнее, с его бледным подобием) гордо уйти прочь, в спальню девочек.

И лишь закрывшись в дортуаре, я свернулась комочком на своем тощем тюфяке и дала волю слезам. Подумать только: ОН, не кто другой, а именно ОН — безжалостно обозвал меня, сравнив с омерзительной старухой! Да я бы согласилась стократно вытерпеть подобное оскорбление от кого угодно, но только не от него! Эти слова прозвучали особенно унижительно потому, что их произнес Арден, который и так все время изощренно придирался ко мне, норовя задеть побольнее. А ведь он нравился мне гораздо больше, чем остальные мальчишки!

Кстати, далеко не все в приюте считали меня уродиной. «Эльфиечка» — так ласково называли меня подруги за маленький рост, хрупкую фигурку и чуть заостренные ушки, забавно выглядывающие из-под прядей густых, иссиня-черных, крупно вьющихся локонов, спускающихся ниже пояса. Впрочем, острыми ушами у нас в Лаганахаре никого не удивишь, ибо Зачарованное побережье находится всего в двадцати лигах к северо-востоку, а остроухие дети иногда рождаются даже у жительниц Блентайра... аккуратно через девять месяцев после окончания ежегодной осенней ярмарки. Возможно, и я (исходя из подробностей, нет-нет да проскальзывающих в откровениях братьев монахов) родилась в самом начале лета, а потому вполне могла являться плодом чьей-то преступной любви. Другое дело, что эльфов у нас откровенно не любят и даже побаиваются...

Мысли о ярмарке с ее сказочным калейдоскопом непрерывно сменяющихся развлечений и бесконечными чудесами на несколько минут оторвали меня от безрадостного гадания о завтрашнем дне. По давней традиции на осеннюю ярмарку съезжались представители всех проживающих в наших землях рас, каждый год норовя удивить всех собравшихся каким-нибудь небывалым достижением или открытием. Поговаривают, будто на ярмарке может случиться абсолютно все, даже то, что невозможно в другое время и в ином месте... Размышляя о волшебной атмосфере ярмарки, я вдруг осознала, что напрочь забыла об еще двух гильдиях нашей столицы, члены которых часто появляются именно на этих многолюдных мероприятиях. Причем о первой из них я не то чтобы вздумать — даже и мечтать не смела, а названием второй у нас частенько страшают непослушных детей.

Безусловно, самой таинственной среди всех профессиональных общин Лаганахара считалась гильдия Охотников — древнее братство, члены которого клялись друг другу в вечной дружбе и взаимовыручке, собственной кровью скрепляя приносимые ими обеты, а умирать уходили в лес. По крайней мере, так рассказывали в соседней деревушке Ролсби. Но, невзирая на все секреты, эта гильдия внушала мне не страх, а вполне обоснованное почтение, потому что ничего плохого за ней не числилось.

А вот гильдия Жрецов, огражденная от постороннего вмешательства непроницаемым заслоном из малопонятных простому обывателю ритуалов, церемоний и обрядов, пугала меня гораздо больше, чем все остальные. Хотя иногда казалось, что половина из всех страшилок, приписываемых жрецам, — пустопорожние сказки и враки. Ну не могут же служители великой богини Банрах и в самом деле быть чудовищными тварями! Хотя, возможно, как раз таки могут, стоит лишь задуматься о прискорбной участи детей, не попавших в какую-либо из гильдий... Знание срывает с происходящих в нашей жизни событий покров таинственности, превращая их в банальное и прозаичное бытие. Неведомое же, наоборот, страшит до безумия, обрастает нелепыми домыслами, а в итоге оказывается лишь страшной сказкой. При этом мы зачастую забываем о том, что суровая реальность по своей сути намного превосходит любую сказку, оказываясь еще неизбежнее и безысходнее.

Надо сказать, суровая реальность заключается в том, что при всей своей власти, кажущейся непререкаемой, главной силой в Блентайре все-таки являются отнюдь не король Вильям и не гильдия Жрецов... Стоило вспомнить о самой таинственной общине в городе, как сердце забилось сильнее, норовя выскочить из груди, и я нервозно обхватила себя худенькими руками, унимая внезапно появившуюся дрожь. Ибо теперь пришел черед подумать о гильдии Чародеев...

Каждый раз, едва завидев на дороге всадника, облаченного в расшитый звездами плащ, я невольно задерживала дыхание и восторженно провожала его взглядом ровно до тех пор, пока он не пропадал из поля зрения. Само собой разумеется, я проделывала сие действие тайком, смирнехонько затаившись где-нибудь поодаль, за камнем или кустом. Восседающие на великолепных скакунах, со сверкающими хрустальными звездами на груди — эти люди казались мне воплощением всего самого удивительного и прекрасного, что существовало в нашем скорбном мире. Чародеи — моя заветная мечта, мои идеалы, мои кумиры. Смогу ли я когда-нибудь стать одной из них?..

Я изо всех сил замотала головой, отчаянным усилием воли прогоняя прочь эти заманчивые видения, заполонившие мой явно сбрендивший рассудок. Чародеи никогда не

якшаются с безродными нищими сиротами, они принимают в свои ряды лишь самых одаренных детей из благороднейших семейств королевства. Да я даже на пять шагов не сумею приблизиться к Звездной башне! Вот еще, только этого мне не хватало — поверить в свою безумную фантазию!

Ни для кого не секрет, что дети, несущие в своих жилах даже самую малую толику эльфийской крови, от рождения чрезвычайно восприимчивы к магии и способны творить кое-какие примитивные чудеса, не проходя обучение у чародеев. Я тоже не стала исключением из вышеназванного правила и давненько выучила несколько банальных заклинаний. Но опять же в нашем монастыре я не являлась единственным ребенком с зачатками магических способностей, хотя братья и не поощряли демонстрацию оных.

В приюте ходили смутные слухи о возникшей по неизвестной причине негласной вражде между гильдией Чародеев и Братством великой богини Банрах, но внешне это никак не проявлялось. Единственным признаком вражды было то, что представители гильдии Чародеев уже несколько лет избегали появляться на церемониях выбора учеников в тех местах, которые хотя бы косвенно были связаны с именем богини. Но надежда, как известно, умирает последней, и поэтому я мечтала хоть краем глаза увидеть стройную фигуру в вышитом звездами плаще, почтившую своим присутствием нашу скромную обитель.

И вот теперь, когда я точно и досконально воспроизвела в уме все гильдии, мои мысли упрямо возвращались к обительницам невысоких домиков, расположенных по обе стороны улицы Сладких Поцелуев. Какое красноречивое название! Нет, я туда не хочу! Но вот беда, при всем моем отворачивании к ремеслу куртизанки (все-таки эта перспектива более предпочтительна, нежели участь стать мясом в храмовом котле) я не переставала тревожиться о том, смогу ли работать — нет, даже просто учиться в гильдии Порхающих.

Смешно это — бояться не попасть туда, куда попадать совершенно не хочется. Их ужимки, фривольные заигрывания с мужчинами — как же это отвратительно! Это поведение не имеет ничего общего с настоящей любовью, воспетой в запретных эльфийских книгах. Кстати о любви... Не так давно моя подруга Элали позволила разочек подглядеть, как она

целуется с красавцем Арденом. Благодаря ее жалостливой помощи я с грехом пополам получила представление о том, чем обычно занимаются мужчина и женщина, оставшись наедине.

Наша беседа, носящая интимный характер, состоялась с месяц тому назад на огороде, среди требующих срочной прополки капустных грядок. Элали, каким-то непостижимым для меня образом даже в своей невзрачной монастырской одежде умудрявшаяся выглядеть безупречно ухоженной и привлекательной, отбросила за плечи длинные белокурые косы и болезненно поморщилась:

— Работать, да еще в такие дни...

Я удивленно моргнула, совершенно не поняв смысла ее реплики. А какой сегодня день? Уж точно не праздничный...

— А ты разве еще не стала девушкой? — спросила она, встретив мой недоумевающий взгляд.

— Э-э-э... — растерянно замялась я. — Как это?

— Стать девушкой — значит обрести возможность иметь детей, — туманно намекнула Элали.

— Э-э-э... — еще сильнее стушевалась я. — Иметь детей?

— Глупая! — покровительственно хихикнула подруга. — Небось до сих пор веришь в сказки, будто детей находят в капусте?

— Их туда аист роняет! — улыбнулась я, стремясь побыстрее свести к безобидной шутке довольно шекотливый разговор, смущающий меня до невозможности.

— Точно! — окончательно развеселилась Элали. — Причем некоторых, судя по их скудным умственным способностям, головой вниз.

— Брат Флавиан утверждает, что дети ниспосылаются нам по милости богини Банрах, — авторитетно заявила я, смиренно опуская глаза долу, перехватывая тяпку поудобнее и остервенело врубаясь в колючие сорняки.

— Ну да, как же, слушай его больше... Хотя нашим монахам простительно прозябать в невежестве, — небрежно фыркнула излишне опытная для своего юного возраста девочка. — Хочешь, покажу тебе правду? А то ведь так и померешь дура душой.

И ведь показала-таки! Помню свой стыд, а еще жгучую зависть к белокурой Элали, нежившейся в объятиях того,

чей образ частенько являлся мне в одуряюще нескромных ночных снах... Но при всем желании я так и не сумела вообразить себя на месте подружки, с игривой улыбкой принимающей ласки стройного смуглокожего юноши. Не уверена, что позволила бы ему вот так же расстегнуть мою рубашку и уложить меня на спину (я почувствовала, как при этой мысли лицо залила краска)... Ах нет, я же не могу этого сделать! Я никогда не смогу лечь на спину — даже ради любви Ардена, поэтому я и сплю-то всегда на животе, а в классе беру скамеечку без спинки, чтобы ненароком не повредить...

Именно этот секрет выделяет меня среди остальных приютских детей, и, пожалуй, я отличаюсь от них не в лучшую, а в гораздо худшую сторону. Не знаю, как это произошло: поразило ли меня врожденное специфическое уродство или же струсилось еще что-то более ненормальное, но случилось самое страшное из всего, что только может случиться с ни в чем не повинным человеком. Я родилась не такой, как все нормальные люди! В Книге Преданий, которую я с большим трудом сумела на полчаса выкрасть из монастырской библиотеки, а затем незаметно положила на прежнее место, черным по белому написано: во всем нашем мире крыльями обладали лишь одни разумные существа — высшие правители из клана Полуночных эльфов. Да-да, это те самые проклятые Перворожденные, которые развязали войну за Блентайр и чуть не истребили людей.

Но Полуночные проиграли решающую битву и ушли неизвестно куда, оставив свой город людям-победителям. С тех самых пор человеческий род яростно ненавидит всех эльфов, а крылатых — особенно, очень неохотно мирясь с присутствием Полуденных, иногда покидающих свой Зачарованный берег, чтобы посетить осеннюю ярмарку. Да, походка эльфов и по сию пору легка, а шаги невесомы, но иметь крылья не разрешается ни самим Перворожденным, ни их потомкам. Каждый выявленный людьми крылатый — это враг, ублюдок, злодей и подлое отродье, на веки вечные проклятый богиней Банрах!

Никто из старожилков Ролсби, как я ни теребила их своими надоедливими расспросами, так и не смог вспомнить ни одного случая, когда крылатый эльф хотя бы раз появился в окрестностях Блентайра за последние пятьдесят лет.

Кое-кто из старейшин упоминал, что где-то севернее, за Белыми горами, они, возможно, еще живут... Но звучало это не как правда, а как сказка, специально выдуманная для охваченного навязчивой идеей ребенка, поэтому скоро я отступилась и перестала докапываться до истины. Своевременно поняла, что делаю это во вред себе, ведь на меня уже поглядывают искоса и с подозрением перешептываются за спиной. За моей горбатой спиной... Ибо все-таки не зря я испортила рубашку, пришивая к ней небольшой мешочек, способный вместить мой горб. Все в округе относились ко мне снисходительно и чуть брезгливо, прощая странное поведение, потому что считали убогой уродкой, несчастной калеккой, стесняющейся своей искривленной спины. Но они оказались неправы, ибо на самом деле это был вовсе не горб!

Я выпрямилась во весь рост и огляделась так бдительно, как будто в этот полуночный час кто-то мог увидеть мою щуплую фигурку, стоящую на скользкой крыше колокольни, и тихонько развязала тесемку плаща. Длинная рубашка, подобная тем, которые носили остальные приютские воспитанники, доходила мне почти до щиколоток, башмаки давно сносились от постоянных походов в деревню и обратно, а штанины грубых полотняных штанов смотрелись ровно в три раза шире моих худых ног. Я пошевелила плечами и потянулась, прогоняя все мрачные мысли этой ночи. Ничуть не тяготясь своим необычным грузом, с затаенным удовольствием ощутила то, что носила за спиной...

Между моими лопатками, вырастая прямо из позвоночника, притаился небольшой компактный комочек плоти, состоящий отнюдь не из хрящей или мозолей. По своему желанию я умела трансформировать этот комок, превращая его в свободно распахнутые... крылья! Впрочем, я всегда чувствовала свои крылья, даже не расправляя их. Мудрые монахи рассказывали, будто крылья Полуночных эльфов имели черную окраску, но я знала — мои не такие. Темными у моих крыльев оказались лишь тонкие косточки остова, а оттенок натянутых между ними перепонки, то есть собственно крыльев, менялся в зависимости от времени суток, когда сквозь них просвечивал Сол. Крылья выглядели то серыми, то перламутровыми, то лазоревыми... Вот только, увы, летать я не умела.

Мне стало интересно, в какой же цвет окрасит их Уна. Я стянула через голову свою неумело перешитую рубашку, подумав, что сейчас моя нескромность в полной мере соответствует понятиям порхающих, не обремененных излишней скованностью. Одна, полуобнаженная, на крыше здания, без всякого стыда разглядывающая себя — эта картина мне не понравилась. Я очень медленно осторожно расправила свои тонкие, как у летучей мыши, крылья и повернулась спиной к яркому, молочно-белому диску полуночного светила. Теплый ночной воздух с дружелюбной готовностью овеял плечи и как будто бы укутал мое тело в тончайший шелк. Мне стало невыразимо хорошо, но я тут же мысленно себя одернула: не следует так легкомысленно рисковать и стоять на крыше слишком долго. Нельзя делать глупости!

Я чуть повернула голову и с любопытством заглянула себе за плечо... К своему бесконечному изумлению, я обнаружила, что мои крылья изменились и выглядят сейчас еще красивее. Они показались мне непривычно большими и словно сотканными из мириад серебряных нитей, тонких и прочных одновременно... О-о-о, нынче они уподобились двум серебряным парусам, дерзко несущим меня навстречу самой прекрасной мечте!

Но спустя мгновение мое ощущение изменилось. Переменчивая Уна зашла за тучку, став похожей на слепой лик богини Банрах, сулящей неминуемую кару за все мои грехи. Я испуганно ойкнула и торопливо сложила крылья в обычный маленький комочек, удачно замаскированный под горб. Как обманчив ночной свет! Наверное, он берет пример с меня. Я поспешно оделась и, плотнее завернувшись в плащ, немедленно пустилась в обратный путь, намереваясь побыстрее вернуться в монастырь.

Я тихонько притворила за собой скрипучую садовую калитку, сняла тяжелые башмаки и, держа их в руках, босиком на цыпочках прокралась в монастырскую кухню, стараясь производить как можно меньше шума. К тому моменту время изрядно перевалило за полночь, вся обитель спала, и мне тоже предписывалось давно находиться в дортуаре для девочек и видеть десятый сон, а не шляться эльф знает где. Поэтому я не собиралась лезть на рожон, а хотела незамет-

ной мышкой прошмыгнуть на свое законное место, сохранив в секрете эту ночную вылазку, как проделывала уже неоднократно. Но не тут-то было. На сей раз мне не повезло.

Пробираясь между потушенной плитой и огромным дубовым столом, загроможденным мешочками с кукурузой, чечевицей и фасолью, предназначенными для завтрашнего, а вернее, уже сегодняшнего праздничного завтрака, я вдруг заметила слабый лучик света, пробивающийся из-под двери примыкающей к поварне столовой. Засмотревшись, я выронила один из своих башмаков. Грохот, произведенный обрушившейся на мозаичный пол обувкой, прозвучал оглушительно. Я испуганно юркнула за большущую плетеную корзину с картофелем, но прятаться было поздно. Дверь столовой растворилась, и на пороге четко обрисовался громоздкий силуэт чрезмерно упитанного брата Флавиана, близоруко щурившегося в темноту монастырской поварни.

— Кто здесь? — настороженно спросил монах.

Я молчала, затаив дыхание и до боли прижимаясь к ребристому боку корзины.

Толстый монах с кряхтением нагнулся и поднял позабытый мною башмак. До меня донесся его довольный смешок:

— Йона, разбойница эдакая, а ну-ка, выходи немедленно, я знаю, что ты здесь. Тебя выдали сбитые каблуки, обличающие любительницу долгих прогулок.

Не смея спорить с безупречной логикой брата Флавиана, я выползла из своего укрытия и понуро встала перед наставником, виновато склонив голову и шмыгая носом. Монах беззлобно усмехнулся, оценивающим взглядом охватывая и мой запыленный плащ, и растрепанные локоны.

— Есть хочешь? — сочувственно спросил он.

Я шмыгнула носом еще жалостливее и усиленно закивала.

Монах гулко захохотал, вернул мне башмак и, крепко ухватив за рукав рубашки, потянул за собой. Мы вошли в столовую, где моим расширившимся от потрясения глазам предстало совершенно нереальное зрелище. Длинный стол, застеленный белоснежной скатертью, оказался заставлен неисчислимым количеством тарелок, наполненных волшебными кушаньями. Я чуть не захлебнулась голодной слюной, ибо давно уже успела переварить выданный на ужин

ломоть черного хлеба с сыром, а выставленные на столе блюда благоухали слишком уж упоительно.

Мой неискушенный взгляд сумел распознать зажаренный с мятой кабаний окорок, лягушек в чесночном соусе, пирог с румяной корочкой, горшочки с паштетом, а дальше шло такое, название чего я просто не знала. Во главе стола важно восседал наш брат настоятель, а по правую руку от него жеманно поджимала губы сьерра¹ Каталина, знатная дама из столичного попечительского совета.

— Это что еще за мелкая замухрышка? — Щедро накрашенные брови сьерры Каталины, похожие на двух толстых черных змей, изумленно изогнулись и поползли вверх. — Вроде бы дети из младшей группы живут в отдельном корпусе?

— Эту девочку зовут Йохана, и завтра она примет участие в церемонии выбора учеников, — доходчиво пояснил брат Флавиан, подталкивая меня к лавке. — Садись, Йона, поешь.

Но я робела. Тогда монах легко меня поднял, будто перышко, и силой усадил за стол, а потом еще и пододвинул тарелку с поджаристой куриной грудкой. Такой вкуснятины я не пробовала никогда в жизни, а поэтому немедленно с кошачьим урчанием впилась в сочное мясо, разом позабыв обо всем на свете.

Дама-попечительница продолжала рассматривать меня с явным неодобрением:

— Так ей уже исполнилось шестнадцать?

— Или скоро исполнится, — равнодушно подтвердил брат настоятель. — Малозначительная разница в сроках не противоречит правилам церемонии. Хотя мы не знаем точный день ее рождения. Подходит ли она вам, сьерра Каталина?

По моей спине побежали мурашки нехорошего предчувствия.

Вместо ответа дама взяла со стола подсвечник и приблизила его к моему лицу, придирчиво рассматривая меня на манер опытного барышника, выбирающего лошадь на рынке.

— А она ничего, — иронично протянула столичная гос-

---

¹ Сьерра — вежливое обращение к замужней даме; сьерр — к мужчине; сьеррина — к незамужней девице в Лаганахаре.

тя. — Пусть худенькая и невысокая, в пику нынешней моде на рослых девушек, но фигурка у нее на удивление пропорциональная и ладная. Волосы — воистину шикарные.

Она бесцеремонно ухватила меня за прядь у виска и заставила поднять подбородок от тарелки.

— А глаза, — тут на щекастой физиономии почтенной сьерры промелькнуло смешанное с завистью восхищение, — и того лучше.

— Чудесные глаза, — плотоядно мурлыкнул четвертый участник позднего застолья, молодой брат Морис, нередко встречающий меня на заднем дворе приюта и одаривающий липкими улыбочками. — Необычные, неповторимые. Сиреневые, с золотыми крапинками, напоминают лепестки бутона королевской мальвы.

Сьерра Каталина удовлетворенно хмыкнула:

— А ее острые уши? Она родилась от связи с эльфом?

— Полагаю, что так все и произошло, — печально вздохнул брат Флавиан. — Девочке, видимо, было всего несколько дней от роду, когда мы нашли ее под дверью нашей обители... Ее и еще одного мальчика чуть постарше... Они — подкидыши.

Услышав последние слова монаха, я заинтригованно навострила свои и без того острые ушки. Про мальчика я ничего не знала.

— Вы смогли раскрыть тайну их происхождения? — продолжала допытываться настырная дама-попечительница.

— С мальчиком все обстоит намного проще, — вступил в разговор брат настоятель. — Он, безусловно, происходит от благородных родителей, ибо в его корзине лежала записка с выбранным для него именем, а на шейке младенца мы обнаружили золотой кулон в форме меча.

— И его зовут? — жадно спросила сьерра Каталина.

— Арден.

Я взволнованно икнула, потому как знала из Книги Преданий: изображение меча входит в старый, еще эльфийский герб Лаганахара, что тщательно замалчивается. А в самом Ардене буквально все так и кричит о его дворянском происхождении: красота, ум, стать, смелость общения, благозвучный голос... Ну и любовь к симпатичным девушкам — тоже.

— Интересно... — Очередная реплика дамы вывела меня из состояния задумчивости. — И их никто не искал?

Брат Флавиан с сожалением развел руками, показывая, мол, никто.

— Интересно! — еще более эмоционально протянула сьерра Каталина. — Но вы посудите сами — девочка тоже явно не из простых: у нее очень аристократичное личико, точеный носик и длинные, изящные пальчики — первый признак хорошего рода. А если ее еще откормить да приодеть...

— Тогда из нее выйдет настоящая красотка! — язвительно хохотнул брат Морис. — Appetитная крошка, милашка, не так ли?

Дама расплылась в согласной, неприкрыто циничной улыбке. Я испуганно сжалась в комок. Эта женщина мне не нравилась.

Брат Флавиан не обладал красотой Мориса, а его бугристое, испещренное оспинами лицо выглядело словно поклеванное птицами. Но в отличие от своего молодого и заносчивого собрата он имел доброе сердце, искренне равнодушное к моей будущей судьбе. А поэтому он сразу же разгадал терзающие меня страхи и решил помочь.

— Милашка, да не совсем... — Резким движением сообразительный монах сдернул окутывающий меня плащ. — Удостоверьтесь сами, благородная сьерра.

Лицо брата Мориса перекошилось от обуявшей монаха смеси отвращения и вожделения, принимая вид похотливой гримасы, уже неоднократно подмеченной мною при наших встречах.

— Горбунья! — громко взвизгнула сьерра Каталина. — Как это ужасно! Но... как это прелестно!

Мы оба, я и брат Флавиан, с недоумением уставились на попечительницу.

— Крошка, хочешь стать куртизанкой и попасть в гильдию Порхающих? — вкрадчиво осведомилась соблазнительница, покровительственно обнимая меня за плечи. — Некий князь, наш постоянный клиент, весьма равнодушен к таким вот ущербным красавицам. Я запросто устрою тебя в его гарем. Соглашайся же, Йохана!

Она смотрела на меня с такой корыстной заинтересован-

ностью, что все мои мурашки немедленно перебежали на живот и собрались в одном месте где-то в районе пупка, мешая мне дышать.

Брат настоятель одобрительно кивнул, подтверждая: да, такой шанс выпадает лишь раз в жизни, соглашайся. Но меня передернуло от омерзения.

«Смилуйся надо мной, бог Шарро, — беззвучно взывала я. — Неужели меня ожидает именно то, чего я опасалась больше всего?»

— А лайил? — судорожно выдохнула я, чуть не подавившись недожеванным куском курицы.

— А что лайил? — ненатурально удивилась дама. — Они почти ничем не отличаются от нас, людей. Князь заплатит за свою любовницу хорошую цену, и лайил тебя уже не тронут, ведь среди всех рас Лаганахара соблюдается справедливый принцип: свобода, равенство, братство. А ну-ка, повтори!

— Швобода, лявенство, — невнятно пробубнила я сквозь застрявшее в зубах мясо, — бя...

— Хватит! — возмущенно оборвала меня сьерра Каталина. — Запомни, наши девушки обладают образцовыми манерами и никогда не употребляют грубые слова!

Губы брата Флавиана изогнулись в ухмылке. Он заговорщицки подмигнул мне, сигнализируя, что, дескать, уже догадался о том, каким путем я смогу вырваться из цепких лап сьерры Каталины. А я в свою очередь прекрасно поняла красноречивую пантомиму заботливого наставника.

— Йона, передай сьерре Каталине вилочку, а то она сегодня почему-то мало кушает...

— Зачем? — скандальным голоском поинтересовалась я, наконец-то проглотив злополучный кусок.

— Тебе ведь только что рассказали о правилах хорошего тона! — всюлицемерил брат Флавиан, спасая меня от гильдии Порхающих.

— Зачем ей вилка? — продолжала наигранно вредничать я. — Вы же сами вчера говорили, будто эта дама жрет, как лошадь.

— Что? — Щеки сьерры попечительницы покрылись красными пятнами гнева. — Да как ты смеешь грубить, мерзавка?! Убирайся с глаз моих долой, в нашей гильдии хамок

не держат! — И она отвесила мне смачный подзатыльник. — Дрянь неблагодарная! Тебе прямая дорога в храмовый котел!

Получив осязаемое ускорение, я птичкой спорхнула со скамьи и рысью устремилась к выходу из столовой. Вслед мне летели базарная ругань дамы, мгновенно утратившей всю свою изначальную импозантность, витиеватые проклятия брата настоятеля и злорадный смех Мориса.

— Мы еще встретимся, — злобно процедила досточтимая сьерра, — и обещаю, тогда ты уж точно пожалеешь о том, что родилась на свет!

И один лишь брат Флавиан молчал, не зная, помог ли он мне или же, наоборот, усугубил мою и без того незавидную участь. Но, прокравшись в спальню и вытянувшись на своем тощем тюфяке, я беззаботно улыбнулась, ибо если ребенок хочет делать гадости, то лучше не мешайте, не указывайте ему на мораль и приличия. Ведь иначе он обязательно найдет способ сотворить эти гадости на другой лад, ничуть не выходя за рамки обманчиво примерного поведения!

ГЛАВА 2

— Девчонка... — Негодующее шипение, похожее на змеиное, шло сверху, от массивного, выполненного из черного мрамора постамента, занимающего центр зала. — Наследница крылатых, последнее усилие выдохшейся судьбы и мой личный недосмотр... Как много неприятностей способна принести она в будущем! — Обертонны раздражения превратились в злобный свист, ненавидящий, ледяной, замораживающий душу. — К несчастью, ее охраняет особое благословение моего слабохарактерного братца, поэтому так просто от нее не избавишься... — В недобром голосе проскользнули задумчивые интонации. — Тут требуется постоянный контроль и надзор, исполнение коего я и хочу поручить тебе, дочь моя.

— Приказывай, владычица Банрах! — Затылок девушки, покорно склонившей перед статуей богини свою непокрытую голову, услужливо качнулся. — Я целиком и полностью в твоей власти.

— Знаю, знаю, — лениво протянула змееликая Банрах и

булькающе рассмеялась. — Мне пришлось немало потрудиться, чтобы вбить в ваши донельзя упрямые мозги вот эту главную мысль: всякая жизнь оканчивается неминуемым переходом во Тьму, а следовательно, падением в мои выжидающе распахнутые объятия! Не так ли, жрица?

— Воистину так, — покорно подтвердила коленопреклоненная девушка, тщательно скрывая обуревающие ее сомнения.

«И все же хоть я и служу тебе, но все больше верую в его правоту! Ведь перед самой смертью он все-таки отринул твою черную милость, и его раскаявшаяся душа вознеслась высоко, в наполненное светом небо! — подумала жрица, предавшись дорогим ее сердцу воспоминаниям. — Клянусь, в миг его праведной кончины я явственно расслышала шелест крыльев белоснежных мантикор, унесших душу прощенного Финдельберга к подножию престола бога Шарро! А значит, ему удалось избежать Тьмы и твоих черных объятий, Банрах...»

— Она родилась вопреки моему желанию, — продолжала вещать богиня, не заметив мысленного отступничества своей жрицы, внешне демонстрирующей похвальное послушание и преданность. — Родилась наперекор влиянию Проклятой эпохи, своим появлением дав всему Лаганахару слабую надежду на спасение и новое возрождение. Но я не позволяю...

До слуха жрицы, испуганной столь очевидным проявлением гнева богини, вдруг донесся громкий треск, недвусмысленно указывающий на то, что мраморная статуя змееликой силится сойти со своего постамента. И на краткий миг жрице померещилось, что Банрах вот-вот сможет воплотить свою дерзкую попытку! К счастью, этого не произошло. Богиня разочарованно вздохнула, проклиная свои каменные оковы:

— Ненавистные Неназываемые, ну почему они не дали мне возможность хотя бы временно обретаť физическую плоть на территории Блентайра? Почему они наделили данным правом лишь этого велеречивого слюнтяя, моего братца Шарро?

Вопрос повис в воздухе.

— Но все равно, — мстительно пообещала Банрах, — я не

позволю какой-то там девчонке, пусть даже несущей его дар и объединившей в себе уникальные способности правителей всех трех эльфийских кланов, разрушить мои планы. Не позволю сотворить подобное ни ей... — тут ее интонации обрели доселе невиданную жесткость, — ни этому смазливому мальчишке, потомуку Адсхорна Полуденного!

— О-о-о, наследник морских эльфов?! — потрясенно вымолвила шокированная подобной откровенностью жрица.

— Да, — пренебрежительно фыркнула богиня. — Еще один избранный полукровка, появившийся в результате смешения рас людей и Полуденных эльфов, правнук Адсхорна, единокровного брата Эврелики, Повелительницы мантикор!

Зеленые глаза жрицы восхищенно расширились, но увлеченная своей ненавистью богиня не заметила и этой столь красноречивой реакции, свидетельствующей о многом.

— Я лично позабочусь о будущем нашего прекрасного мальчика, — многозначительно произнесла змееликая, и сия, казалось бы, безобидная фраза не сулила ничего хорошего незадачливому объекту ее пристального внимания. — А ты, дочь моя, — тут жрица вновь послушно склонила голову, — на время покинешь храм и станешь моими тайными ушами и глазами, призванными выследить напроороченную девчонку, остановить ее и не подпустить к Запретным горам! Приказываю — найди верный способ и выполни мое поручение! Пусть я слепа, но, к счастью, у меня имеется кое-что получше, чем глаза...

Раздался стук, и на пол храма упал небольшой стеклянный шарик, подкатившийся точно к ногам жрицы.

— Спрячь его в своей одежде, и тогда я смогу постоянно следить за твоими перемещениями, — приказала богиня.

— Я должна выследить Наследницу и убить ее? — чересчур взволнованно переспросила жрица, но ее возбуждение опять ускользнуло от внимания богини, слишком высокомерной для того, чтобы снизить до чуткости к своей пастве, и чрезмерно эгоистичной, чтобы правильно оценить важность подобной реакции. А зря, ведь именно в произвольных эмоциях и кроется истинная суть поведения.

— Убить? — Богиня издевательски рассмеялась. — Нет, тебе это не под силу. Попытайся ее остановить, выведай ее

тайны, вотрись к ней в доверие. Я хочу знать, способна ли она осуществить пророчество Неназываемых и каким образом я могу предотвратить их возвращение.

— Но возможно ли вообще совершить требуемое деяние — предотвратить грядущее исполнение пророчества Неназываемых, начертанное на стенах Немеркнувшего Купола? — непритворно изумилась изрядно озадаченная жрица, подбирая с пола подарок Банрах.

— Возможно! — повелительно рыкнула богиня. — Ибо Неназываемые спят вечным сном и уже не правят этим миром, а значит, не помешают мне и не помогут ей. Иди, дочь моя, и да пребудет с тобой Тьма!

Всерьез обеспокоенная возложенной на нее миссией, кажущейся совершенно невыполнимой, жрица рассеянно пожала плечами, поднялась с колен и покинула храм. На выходе она благоговейно сняла свою длинную черную тунику, отороченную золотой каймой, и сменила на простое дорожное платье. Зеленоглазая девушка педантично расчесала доселе свободно распущенные по плечам волосы и заплела их в тугую косу, спускающуюся ниже лопаток. На смену храмовому одеянию она выбрала узкие штаны из лосиной кожи, плотно облегающие ее мускулистые ноги, простую серую шерстяную рубашку, замшевый, обшитый железными бляшками жилет и перевязи двух коротких акинаков¹, крест-накрест перечеркнувших ее крепкую спину.

Девушка опустила шарик — змеиный глаз, переданный ей богиней Банрах, — в нагрудный карман жилета и заботливо поправила ножны мечей так, чтобы они оказались точно под руками. Не замечая ничего вокруг и полностью погружившись в свои нелегкие думы, она, стройная и прекрасно сложенная, красивая даже в столь неброском наряде, упруго сбежала по ступеням храма, немедленно смешавшись с заполняющей городские улицы толпой, неспособной распознать удачно замаскированную жрицу зловещей богини.

Но при этом на лице прекрасной воительницы сохранялось прежнее озабоченное выражение, а на ее высоком загорелом лбу, свидетельствующем о недюжинном уме, залегла

¹ А к и н а к — короткий меч с широким мощным лезвием.

глубокая морщинка — неоспоримый признак терзающих душу сомнений. О нет, движущим мотивом ее преданности змееликой Банрах являлись отнюдь не твердые моральные принципы или личный выбор всеильной богини в качестве покровительницы, а нечто совершенно другое. Это было куда более сильное и потаенное чувство. Зеленоглазой воительницей руководил страх.

Страх — каким разным он бывает! Как часто мы испытываем страх, боясь утратить любовь или потерять власть, лишиться богатства или остаться без крова и средств к существованию. Страх имеет множество причудливых форм и всевозможных облиций, неустойчиво колеблясь между уродливым гротеском: паникой, вызывающей презрение храбрецов, или же достигая вершин ослепительного самопожертвования: страсти, свойственной воспеваемым в балладах героям. Но страх вооруженной парными акинаками девушки был совсем иного рода.

Отойдя на значительное расстояние, жрица обернулась на прощание, хмуро разглядывая темную махину храма, имеющую очертания огромного паука и грузно нависающую над вымощенной брусчаткой площадью. Неосторожные прохожие, по той или иной причине вынужденные посещать именно эту часть Блентайра, торопливо кланялись, отдавая дань уважения, положенную змееликой богине, и чуть ли не бегом устремлялись на противоположную сторону улицы, не смея дышать до тех пор, пока не покинут отбрасываемую храмом тень.

Богиня Банрах являлась официальной покровительницей Лаганахара, но при этом мало кто из истово молящихся ей прихожан испытывал искреннее чувство симпатии к этой кровожадной убийце, питающейся человеческим мясом. Да, она сдерживала наступление пустыни, обеспечивая выживание тысяч за счет приносимых в жертву единиц, но над столицей королевства витала плотная, никогда не исчезающая, а, наоборот, все сгущающаяся аура всеобщего страха, ибо никто не знал, чью жизнь потребует ненасытная богиня на следующий день. Но девушка с акинаками опасалась вовсе не храмового котла...

Человек ощущает себя счастливым, лишь живя в согласии с собой и реализуясь как личность в мире. Зеленоглазая

жрица пока не ощущала себя счастливой: внутренне она разрывалась между навязанными матерью правилами, ибо ее покойная матушка много лет подряд занимала пост верховной жрицы богини Банрах, и завещанием, оставленным ей одним горячо любимым человеком, который, достигнув весьма преклонного возраста, скончался несколько недель назад. В глубине души признавая правоту его завещания и ужасаясь злодеяниям богини, молодая жрица впала в глубокое уныние и ощущала себя поистине несчастной. С детства вдолбленный матерью догмат беспочвенного долга перед богиней вступил в неравную борьбу с врожденным стремлением к справедливости. И надо признать — последнее уже сильно перевешивало.

В отрочестве юная воительница чрезвычайно боялась не оправдать ожиданий матери, прочившей ее на свое место в храме. Образ богини Банрах ни в коей мере не соответствовал представлениям о чести и доблести, но девушка безропотно приняла навязанные обеты, следуя традициям семьи, ведь жрицами змееликой служили и ее бабушка, и прабабушка, и прапра... К сожалению, мы слишком часто отвергаем истинный зов своего сердца, взамен совершая благоразумные поступки, которых ждут от нас близкие.

Позднее, повзрослев и поумнев, зеленоглазая воительница начала испытывать вполне здравые опасения перед грядущим одиночеством — единственным спутником жриц кровавой богини. На их долю редко выпадала возможность любить и быть любимой. Наследие, полученное из рук умирающего мужчины, стало единственным лучиком света, забрезжившим в беспроглядном мраке унылого существования и давшим зримую надежду на нечто большее, лучшее, значительное... Но тут, будто назло, она получила это роковое поручение богини, довершившее сумбур, царивший в душе. И теперь она боялась своей возможной несостоятельности, неспособности исполнить обещание, данное умирающему мужчине и значившее так много.

В ее мыслях поселился хаос, сердце словно резали тупым ножом — все это вызывало желание бежать незнамо куда и немедленно что-то делать. Да, делать хоть что-нибудь, лишь бы не стоять на месте, не плыть бездейтельно по стремительному руслу судьбы, неумолимо несшему навстречу чему-то

странному, отталкивающему и притягательному одновременно.

Она мечтала о многом из того, чего еще не познала: о любви, настоящей дружбе и даже о том, что считалось в Лаганахаре преступным и недопустимым, — о встрече с проклятыми расами. А особенно отчетливо она осознавала властное вмешательство в свою доселе серую и обыденную жизнь некоего высшего рока или фатума, одинаково беспощадного и к могущественным богам, и к обычным смертным. Исполдволь, не признаваясь в том самой себе, она давно жаждала перемен, но, однако, стусевалась и заробела при первом их приближении. А впрочем, судьба — это ведь и есть то, что случается с нами именно тогда, когда мы хотим ее изменить.

Итак, девушка с акинаками никак не могла решить, на радость или на беду она получила загадочное поручение богини, начисто перечеркнувшее ее размеренную прошлую жизнь. Отныне она вступала в полосу непредсказуемых приключений, опасных, но, безусловно, волнующих и важных для участи всего королевства. Она не знала, сумеет ли обрести столь желанный мир в душе, и поэтому мудро постановила не торопить события, а стойко принимать их и относиться по-философски спокойно ко всему, что встретится на пути. Ведь если ты бессилен перед грядущими испытаниями, которым надлежит произойти помимо твоего желания, остается одно: боишься сглазить свое счастье — наплюй на него. И делов-то.

Приняв такое решение, воительница облегченно хмыкнула и уже куда бойче застучала подковками на каблуках сапог, направляясь прочь от храма. Избавившись от необходимости принимать ответственность за нелегкие реалии текущего момента, она почувствовала, как ее настроение постепенно улучшается. Следующий виток событий оказался отсрочен на неопределенное время, что давало возможность передохнуть да набраться сил, готовясь к опасному балансированию между заданием богини и велением собственной души и сердца.

А о том, что случается с предавшими Банрах отступниками, она тогда как-то не подумала.

Громкий размеренный звук ворвался в мой сон, властно скомандовав: «Пора вставать». То звонил главный монастырский колокол, возвещающий о наступлении нового дня. Все как обычно.

Не сдержавшись, я с протяжным завыванием зевнула во весь рот, с трудом разлепляя не желавшие раскрываться веки. Не зря, видать, талдычит брат Флавиан, вбивая в наши легкомысленные головы здравую мысль: «Чтобы выспаться, нужно ложиться спать не в тот день, в который придется просыпаться». Да разве мы его слушаем? А зря, ибо вот до чего доводят самодеятельные ночные прогулки и хронический недосып: день начинается из рук вон плохо, а худшей приметой, чем неудачно начатый день, пожалуй, не придумать. Хотя иногда мне кажется, вера в приметы есть не что иное, как самое удобное оправдание собственных неудач, особенно любимое дураками и шалопаями. А посему если сегодняшней день сложится неблагоприятно, то винить в этом мне следует лишь нерадивую себя.

Вполне удовлетворившись столь самокритичным выводом, я лениво перевернулась на бок и несколько мгновений бездумно любовалась пылинками, танцующими в столбе струящегося из окна света. В простенке между двумя оконными проемами стояла статуя богини Банрах, находящаяся здесь с незапамятных времен. Искусный мастер вырезал изображение охранительницы всех людей из цельного ствола карликового лавра, и ровно в полдень, когда древесина изваяния нагревалась от разливающегося по спальне тепла, от статуи начинал исходить едва уловимый маслянистый аромат, навевавший грезы о дальних странствиях и заморских городах. Глядя на статую, я поняла, как мне будет ее не хватать...

«Не хватать? Это еще почему?» — удивилась я и, случайно ухватившись за эту подсознательную мысль, тут же чуть не подпрыгнула на тюфяке, звонко хлопнув себя ладошкой по лбу. И с чего я вдруг приняла наступивший день за обыденный и рядовой? Вот ведь, все позабыла от недосыпания, растяпа! Да ведь нынче же состоится церемония выбора учеников! И, подгоняемая своим открытием, я резво соскочила с постели, торопясь реализовать давний, тщательно продуманный план.